УДК 327.7, 327.8, 005

Елена ПАВЛОВА

Татьяна РОМАНОВА

“ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ ПОДХОД” ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

(на примере отношений с Российской Федерацией)

Аннотация. Цель статьи – прояснить ряд тенденций формирования внешней политики Европейского Союза (ЕС). Применяя постколониальный подход, авторы подчёркивают специфику исторического наследия в системе современных международных отношений, прежде всего в сфере нормативного влияния. На примере концепции стрессоустойчивости (ключевой категории Глобальной стратегии ЕС 2016 г.) авторы демонстрируют специфику политики ЕС по поддержанию нормативного лидерства в большой Европе. Особое место в этой повестке Брюссель уделяет роли России, что, с одной стороны, позволяет говорить о признании России как самостоятельного актора, а с другой, – свидетельствует о неизменившемся восприятии России как реципиента, но не агента в сфере создания международных норм.

Ключевые слова: ЕС (Европейский Союз), постколониальный подход, стрессоустойчивость, безопасность, Россия.

Обращение к истории всегда было важным инструментом познания международных отношений, эта тенденция остается актуальной и сегодня. Однако если ранее исследователи в основном уделяли внимание отдельным событиям и их возможным интерпретациям, сейчас во главу угла ставится выявление исторических характеристик систем и отражение этого наследия в современных международных отношениях. Именно поэтому постколониальный подход, фокусирующийся на постепенной эволюции колониальных связей до современной системы международных отношений, приобрёл особую важность [Keene 2002]. Возникли дебаты, стоит ли воспринимать историю Европы как мировую. Более того, одной из главных тем стало преодоление евроцентричного взгляда на политические процессы. Специфи-

© **Павлова Елена Борисовна** – к.полит.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник Университета Тарту (Эстония). **Адрес:** 193060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3 (8-й подъезд). **E-mail:** e.pavlova@spbu.ru

Романова Татьяна Алексеевна – к.полит.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета. **Адрес:** 193060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3 (8-й подъезд). **E-mail:** t.romanova@spbu.ru, romanova@mail.sir.edu

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01110).

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620188292>

ка постколониального подхода состоит в отказе от колониальной логики, предполагающей, что метрополия диктует безоговорочно свои нормы для колонии, и особом внимании на взаимодействии гегемона и субалтерна. Подчёркивается, что действия “условного колонизируемого” и “условного колонизатора” взаимосвязаны. Не отказываясь от предыдущих достижений европейской интеллектуальной мысли, постколониальный подход помогает нам переосмыслить процесс становления как самого современного Европейского союза, так и его условных “колоний” [Fisher and Nicolaidis 2013]. Речь необязательно идёт о колониальном прошлом как таковом; скорее, это вопрос взаимного восприятия вовлечённых акторов. С одной стороны, постколониальный взгляд на историю международных отношений позволяет увидеть иные грани в существующей евроцентричной системе, с другой, – даёт новые возможности проанализировать сложную взаимозависимость акторов.

Сегодня, в условиях кризиса международных отношений, взаимодействия России и Запада (в т.ч. Евросоюза) для нас особенно важно не просто проанализировать специфику политической повестки дня Европейского Союза, но и разобраться в ее истоках. Таким образом, цель работы состоит в выявлении постколониальной логики современной внешней деятельности ЕС и последствий применения этой логики к России. В первой части мы обратимся к дискуссии о проблемах евроцентричности в современных исследованиях международных отношений. Вторая часть посвящена специфике сегодняшней повестки дня Европейского союза. На основе обращения к постколониальному подходу будет проиллюстрировано, как Брюссель, используя понятие “стрессоустойчивость”, стремится поддержать свои позиции нормативного гегемона в системе международных отношений. В третьей части мы сфокусируемся на эволюции восприятия иерархии отношений Европейским Союзом, проанализировав контекст возникновения понятия стрессоустойчивости в российской повестке Евросоюза.

Евроцентризм системы международных отношений

Книгу Эдварда Саида “Ориентализм. Западные концепции Востока” [2006] принято считать точкой отсчета постколониальных исследований. Ее важность состоит в смещении фокуса с влияния колонизатора на колонизируемого и с попыток сопротивления последнего на зависимость колонизатора от своей колониальной политики и объекта колонизации. При этом речь шла не просто о конкретных государствах, но о системе, созданной европейскими империями, наследие которой остается стержневым элементом сегодня. Академическая дискуссия стала включать и вопросы пересмотра европейского наследия в формировании норм международного сообщества. Не отрицая важность вклада европейской мысли и Просвещения в историю человечества, ученые заговорили о возможных интерпретациях этого наследия, которые бы позволили менее догматичные и универсалистские трактовки. Например, известный теоретик постколониального подхода Дипеш Чакрабартти, указывает, что, рассматривая любую европейскую идею, претендующую на универсальность, мы не можем отбрасывать ни время, ни исторические и интеллектуальные традиции ее возникновения. А такой пересмотр уже ведет к сомнениям в универсальности этих идей [Chakrabarty 2000].

Подобные попытки становятся все более частым. Как пример можно привести работу об истоках Вестфальской системы [Teshke 2003] или ряд исследований, рас-

крывающих истоки понятия “суверенитет” в международных отношениях и международном праве [Mathieu 2018]. Более того, и это особо важно для нас, учёные заговорили о необходимости деколонизации категорий, привнесённых в мировое сообщество Европой. Такому пересмотру, например, Энтони Анги подверг категорию “хорошее управление” (good governance). В своей работе он, опираясь на Чакрабарты, говорит о колониальных истоках возникновения системы международного права и подчёркивает, что на сегодня расстановка сил мало изменилась. Основная логика Европы – помощь нецивилизованным народам с благими намерениями – остается. По мнению Анги, “хорошее управление” – один из концептов, которые пропагандирует Запад среди “нецивилизованных стран”, и надо отдавать себе отчет в контексте возникновения этого контекста [Angie 2006]. При этом, и это очень любопытный факт, стрессоустойчивость самого понятия “Запад”, под которым понималась нормативная гегемония и Европейского Союза, уже определялась экспертами через ее гибкость и востребованность как точки отсчёта в современной дискуссии о международных отношениях. Как указал Крис Браунинг в своем заключении “Стрессоустойчивый Запад?” к коллективной монографии, “...Запад остаётся стрессоустойчивым, хотя это не значит, что сам его смысл фиксирован. Наоборот, Запад характеризуют изменения и диссонанс, поскольку он был призван легитимировать различные ситуации в различные периоды” [Browning 2010: 227].

Важно, что возможность применения постколониального подхода не ограничивается странами, которые действительно входили в состав европейских империй. Главный фокус подобных исследований сконцентрирован на логике внешней политики стран Европы, во многом повторяющей колониальную модель взаимодействия. Следовательно, любая страна, даже не связанная с Европой историей колониальных отношений, как например Россия, может становится объектом подобной логики.

Исторический статус нормативного лидера, определяющего, что такое “нормальное”, “цивилизованное” общество, даёт европейским элитам возможность и сегодня формулировать категории, позволяющие ЕС пользоваться высочайшим авторитетом в системе международного нормотворчества. Применив постколониальный подход, мы сможем разобраться как в этом инструментарии, так и в структурах его определяющих на примере Глобальной стратегии и её базовой категории “стрессоустойчивость”.

Глобальная стратегия внешней политики Европейского Союза: в поисках сохранения нормативной гегемонии

Публикация Глобальной стратегии внешней политики ЕС, ГСЕС (European Union 2016) и 5 пунктов о взаимоотношениях с Россией [Mogherini 2016] не только не способствовали прояснению ситуации в отношениях ЕС и России, усложнившихся в 2014 г. из-за событий в Украине, но и выдвинули новые преграды для потенциального примирения. В этих и более поздних документах поведение России на международной арене определяется как угроза ЕС и близлежащим странам. В ответ на эти угрозы Брюссель планирует защищать стрессоустойчивость своей демократии [European Union 2016], именно стрессоустойчивость становится новым базисом для формирования внешнеполитической повестки ЕС, согласно ГСЕС [Романова

Современная Европа, 2018, №6

2017]. При этом даже для европейских политических элит понятие стрессоустойчивости остаётся расплывчатым.

Концепция стрессоустойчивости в рамках общей академической дискуссии

Концепция стрессоустойчивости приобрела известность в гуманитарных науках ещё в 1970-е годы, после публикации статьи эколога Кроуфорда Холлинга. Он определял стрессоустойчивость как “меру стойкости систем и их способность поглощать изменения и нарушения, поддерживая те же соотношения между популяциями или переменными состояниями” [Holling 1973, 14]. Данное определение, несмотря на многочисленные дебаты в разных дисциплинах, до сих пор считается основополагающим.

Это позволяет выявить важнейшую характеристику стрессоустойчивости: она неотъемлемое свойство системы, позволяющее ей выживать в условиях различных вызовов. Нет необходимости объявлять систему стрессоустойчивой; это качество либо есть, и тогда система выживает, либо нет, и тогда она рухнет под натиском любого вызова. Более того, стрессоустойчивость не может быть привнесена извне. Она уже существует как неотъемлемый элемент самой системы.

Определение ресурсов, а не угроз, – главное отличие концепции стрессоустойчивости от других подходов (например, секьюритизации). А сами угрозы, согласно теории стрессоустойчивости, находятся в неразрывной связи с ресурсами, то есть являются внутренними для соответствующей системы [Chandler 2014]. Подобный подход представляется необходимым обоснованием самой теории стрессоустойчивости и формулирования этого качества системы. Системный подход может быть задействован на любом уровне политических процессов. Ключевым ресурсом стрессоустойчивости, в любом случае, будут низовые и уже существующие практики взаимодействия, так как система, согласно данной теории, способна к саморегулированию и адекватным реакциям на вызовы.

Этические коннотации возможны в отношении самой системы, чью стрессоустойчивость мы изучаем, но не в отношении стрессоустойчивости. Так, с теоретической точки зрения нет разницы между стрессоустойчивостью тоталитарного и демократического режимов. Причём до появления концепции стрессоустойчивости как одной из ключевых норм европейской интеграции в 2016 г., понимание данного факта присутствовало в западном академическом дискурсе. Например, мы можем вспомнить дискуссии относительно стрессоустойчивости режима Китайской Народной Республики, точкой отсчета которой послужила статья Эндрю Нэтана с красноречивым названием “Авторитарная стрессоустойчивость” [Nathan 2003]. В данной работе автор пытался понять, в чём состоит стрессоустойчивость авторитарной системы, какие именно ресурсы позволяют ее поддерживать. В дальнейшем идею стрессоустойчивости различных режимов освещали и другие авторы, но сама категория “стрессоустойчивость” всегда рассматривалась лишь как свойство системы. Однако официальные представители ЕС пошли иным путем, наполнив стрессоустойчивость нормативным смыслом и заявив монополию на его трактовку, а также декларируя право способствовать стрессоустойчивости в своих партнёрах.

Дилемма принципиального прагматизма

Возникнув в документах ЕС в 2012 г. как один из элементов переосмысления политики в отношении развивающихся стран, концепция стрессоустойчивости быстро завоевала популярность среди элит ЕС и постепенно стала новой точкой сборки европейской интеграции [Романова 2017]. Практически проигнорировав существующие дебаты по теории стрессоустойчивости, авторы ГСЕС предложили свое прочтение данной концепции, активно увязывая его с нормативными установками, которые ЕС пропагандировал последние тридцать лет.

Согласно ГСЕС, стрессоустойчивость неразрывно связана с демократией. С одной стороны, стрессоустойчивость ведёт к демократии, с другой, сама демократия содействует стрессоустойчивости государства и общества. “Стрессоустойчивое общество, – указано в документе, – в котором есть демократия, доверие к институтам и устойчивое развитие, лежит в основе демократического государства” [European Union 2016], более того “стрессоустойчивое государство – это безопасное государство, а безопасность – это ключ к процветанию и демократии” [European Union 2016]. Таким образом, после прочтения этого и ряда других документов, ссылающихся на стрессоустойчивость, создаётся впечатление, что согласно официальному дискурсу ЕС, стрессоустойчивость – ничто иное как характеристика демократического общества. Из аналитической категории, стрессоустойчивость превращается в категорию нормативную, а дискуссия о её поддержании переходит из операционной и аналитической плоскости в идеологическую.

Подобные процессы универсализации западных норм, как мы уже отметили, описаны в постколониальной литературе. Но если ранее Запад формулировал свои собственные нормативные тренды как универсальные, то сегодняшняя ситуация интереснее. ЕС заимствует уже существующую академическую категорию и наделяет ее нормативным смыслом. Данная концепция становится в ряд с другими ключевыми концепциями, как демократия, права человека.

Соединив в одно целое идеи демократии и стрессоустойчивости, Европейский союз определяет для себя и новое поле деятельности: её (стрессоустойчивости) продвижение. Однако возникает вопрос: на каком основании один субъект международных отношений может поддерживать стрессоустойчивость (характеристику внутренней системы) другого? Согласно ГСЕС, ключевым ответом на этот вопрос является логика действия, обозначенная как *принципиальный прагматизм*. Она вытекает “как из реалистической оценки стратегической обстановки, так и из идеалистической надежды сделать мир лучше” [European Union 2016]. Прагматизм здесь состоит в постоянном самообучении, основанном на переосмыслении собственного опыта, а не в отказе от ценностей. Подобный подход позволяет сфокусироваться в большей степени на последствиях действий, нежели на их причинах [Schmidt 2015]. То есть на основании собственного опыта ЕС пересматривает логику своей внешней политики, стараясь концентрироваться не только на целях, но и на существующих и потенциальных последствиях своих действий.

Какой именно опыт здесь сыграл решающую роль? Очевидно, и это нашло отражение и в ГСЕС, и в академических работах по ней [Тосси 2016], речь идёт об опыте нормативного влияния, который поддерживает авторитет ЕС как субъекта мировой политики. Механизм, игравший ключевую роль в европейской политике

начала 2000-х годов, получил в академических дебатах название “нормативная сила Европы” (НСЕ) [Manners 2002]. Ключевым его элементом было внимание к распространению норм в мире, и нормы, а не поддержание авторитета агента нормотворчества, ставились во главу, что подразумевало включение других акторов международных отношений в дискуссию. Однако, включение всё новых участников в диалог подрывало лидирующие позиции Евросоюза как агента нормативной силы. Такая ситуация предопределена механизмом нормативной силы [Павлова и Романова 2017], но именно она стала, на наш взгляд, результатом, который потребовалось оценить с реалистических позиций. ГСЕС предлагает решить проблему появления новых акторов нормотворчества в международных отношениях, поскольку они не полезны для поддержания лидирующих позиций ЕС.

Решение данной проблемы ЕС видит в обращении к концепции стрессоустойчивости, причем использует её явно в постколониальных рамках. Евросоюз, опираясь на свой успешный опыт нормотворчества, пытается поддерживать свой авторитет, монополизируя право на нормативное наполнение стрессоустойчивости, колонизируя сам термин. Соответственно, прагматичный поворот, о котором пишут многие исследователи в связи с ГСЕС, по сути, состоит из следующего выбора: следовать нормативной эволюции, заданной Западом, активно включая новых акторов в дискуссию о нормах международных отношений, или фокусироваться прежде всего на поддержке ЕС как ключевого нормативного агента, аналогичных и равных которому почти нет. ГСЕС дает ясный ответ в пользу второго варианта. Последствия нормативной силы привели к появлению новых потенциальных агентов нормотворчества и к закату НСЕ, а по мнению официальных элит ЕС, его авторитет – важнейший элемент всего глобального управления (European Union 2016).

Данная смена стратегии не затрагивает ценностное ядро НСЕ, оно лишь дополняется новым элементом – стрессоустойчивостью. Речь идёт о смене именно стратегии действия ЕС. Если ранее речь шла о пропаганде норм, и сами нормы были во главе угла, то теперь субъектность в нормотворчестве становится более значимыми вопросом для европейских официальных элит. Возникает особая стратегия: оборона НСЕ, где ключевой пункт – сохранение лидерства Брюсселя в нормативной конкуренции.

Согласно как официальной, так и академической интерпретации, стрессоустойчивость планируется поддерживать, фокусируясь на низовых практиках [Тосси 2016], функционирующих, прежде всего в рамках гражданского общества и местного самоуправления. Их включение в движение к западным идеалам и их поддержка будет поощряться. За собой ЕС оставляет право артикуляции норм, ответственность же за их соблюдение теперь перекладывается на те страны-партнёры и их гражданские общества, где ЕС будет продвигать концепцию стрессоустойчивости. Как отмечает Ана Хункос, ЕС надеется таким образом избежать обвинений в неокOLONIALИЗме, так как речь идёт скорее о технократическом, нежели политическом вмешательстве, что должно восприниматься спокойнее соседними державами-конкурентами [Juncos 2017]. Однако сама же она подчёркивает, что это не происходит, так как возникают основания для упреков ЕС в двойных стандартах во внешней политике (Ibid). Действительно, подобное открытое стремление поддерживать низовые практики в других акторах рассматривается как колониализм, и об этом

уже немало написано, в том числе в рамках дискуссии о стрессоустойчивости [Bracke 2016].

Интересно, что в ГСЕС этот вопрос также поднимается. Комментируя принципиальный прагматизм, авторы особо подчёркивают, что одна из его задач – поддерживать баланс внешней деятельности ЕС между “изоляционизмом” и “интервенционизмом”. Однако как подобный баланс может возникнуть, если поддержка стрессоустойчивости в соседних странах заявлена как одна из целей ЕС? Стрессоустойчивость, как было отмечено выше, – это всегда характеристика системы и поддерживать её извне невозможно. ЕС говорит о своей поддержке стрессоустойчивости в государствах, с которыми он связан посредством программы соседства или процесса расширения. В обоих случаях мы можем говорить об условных системах, тем не менее, подобные заявления, где ЕС выступает как бессменный гегемон, обуславливают обращение к постколониальному подходу при анализе его внешней политики.

Таким образом, прагматизм нынешней повестки продвижения стрессоустойчивости состоит прежде всего в сохранении ЕС как нормативного гегемона. Проблема, однако, состоит в том, как другие участники международных отношений, прежде всего Россия, могут быть включены в эту деятельность. Сама схема артикуляции концепции “стрессоустойчивость” в документах ЕС отсылает нас к инструментарию формулирования норм, унаследованному от евроцентричной системы, и наша задача сейчас разобраться в условиях её возникновения и параметрах функционирования по отношению к России.

Стрессоустойчивость в отношениях с Россией

Постколониальный подход к анализу внешней политики ЕС уже устоялся как часть академической дискуссии при рассмотрении взаимоотношений ЕС и стран Центральной Европы и постсоветского пространства. Расширение ЕС, программа ТАСИС или Политика соседства давно находятся в фокусе внимания подобных исследований [Böröcz and Kovács, 2001, Horký-Hlucháň and Kratochvíl 2014]. Немаловажное место в этих исследованиях занимал и анализ связей ЕС, России, стран Центральной Европы и постсоветского пространства, в рамках которых отмечалось отношение к России, скорее, как к объекту цивилизаторских усилий, нежели как потенциальному агенту нормотворчества [см., например, Browning 2003, Кавешников и Потемкина 2007, Sakwa 2011]. Важно, что при этом страны Центральной и Восточной Европы воспринимались потенциально европейские, а Россия мыслилась “безнадёжным аутсайдером” [Kuus 2004: 478].

Во многом это было связано как с ещё только формировавшимся внешним курсом Российской Федерации после распада Советского Союза, так и с активной позицией Европейского Союза по вовлечению России в западную нормативную орбиту. Именно поэтому ЕС инициировал многие соглашения и программы сотрудничества. Неправильно было бы говорить, что Москва просто следовала за Брюсселем, отказываясь от своих интересов, или что эти отношения носили односторонний характер. Речь идёт о разных взглядах на самую проблематику международных отношений. Для России экономическая составляющая представлялась ключевой, а для

ЕС большую важность играло нормативное, ценностное измерение, где лидерство ЕС было очевидным.

Однако, постепенно этот вектор изменился. Если не в академических исследованиях, то согласно официальному дискурсу, Россия стала воспринимать себя как (потенциальный) полюс силы. Этому способствовали экономический расцвет, политическая стабильность и консолидация общества. Идея “общего пути” с Европой шаг за шагом трансформировалась в мысль о “параллельных путях” [Neumann 2017: 140–183]. При этом политика России не была и не направлена сейчас против Запада [Matveeva 2018]. Повестка обращена на изменение положения России на мировой арене [Romanova 2018].

Способствовала подобным изменениям и логика внешней политики ЕС, включающая в себя “нормативную силу”. Она предполагала включение в дискуссию о нормативных основах современного миропорядка других государств, прежде рассматриваемых лишь как объект. Это открывало для России новые возможности. Но в реальности ситуация оказалась сложнее. Тактика ЕС в отношении России была справедлива обозначена Сергеем Прозоровым как “иерархическое включение”, что предполагает для России лишь подчинённую модальность, присоединение к системе координат, заданной ЕС или исключение из неё. В результате, отмечает Прозоров, действия Брюсселя легитимируют для России путь “самоисключения” из европейского политического и нормативного поля, позиционируя себя как “европейскую страну вне Европы” [Prozorov, 2009: 148].

Европа не просто не готова признать Россию европейской страной сегодня, но и заявляет о России как о вызове европейским ценностям, об источнике рисков, к которым ЕС будет стрессоустойчив. Согласно ГСЕС, а также 5 принципам Ф. Моге-рини, стрессоустойчивость ЕС и Россия связаны в двух областях. Первая – конкуренция на постсоветском пространстве. Вторая – внутренняя устойчивость ЕС в энергетике, киберсфере и информационном пространстве. В обоих случаях, вопрос об использовании категории “стрессоустойчивость” скорее смущает, чем проясняет намерения Брюсселя, поскольку возникает важная проблема: о какой системе – ведь стрессоустойчивость – её внутренняя характеристика – мы говорим?

Если мы говорим о конкуренции на постсоветском пространстве, где ЕС заявляет о готовности “укреплять стрессоустойчивость восточных соседей”, надо вновь вернуться к идее постколониального подхода. Этот подход дает нам возможность пересмотреть потенциальное единство географического пространства через нормативное взаимодействие колонизатора и колонизированного [Sidaway 2000]. В этом случае вопрос о системе и об использовании стрессоустойчивости не возникает. Очевидно, что Европейский Союз видит своё сотрудничество с бывшими республиками и странами социалистического лагеря как систему нормативного взаимодействия. В данной системе ЕС выступает как нормативный агент, остальные участники являются лишь реципиентами. Россия изначально также включалась в эту систему. Следовательно, сегодня мы можем говорить о вызове России как внутреннем в отношении нормативной гегемонии Брюсселя в постсоветском пространстве.

Внутренняя же стрессоустойчивость ЕС делает ответ на вопрос о системе затруднительным. С одной стороны, Россия представлена как внешний актор, хотя с другой, – объявляя действия России угрозой стрессоустойчивости ЕС, Брюссель по идее должен говорить о некой общей системе, где поведение России является

внутренним вызовом. Возникает странная, с точки зрения теории стрессоустойчивости, ситуация. ЕС, формулируя свою новую стратегию через системный подход, одновременно включает и исключает Россию. Более того, ЕС и представляет Россию как равного актора, стремящегося к реализации своих целей в Восточной Европе, и одновременно не воспринимает РФ как равного в артикуляции норм.

Заключение

Итак, сегодня логика действия Европейского Союза представляется весьма противоречивой. С одной стороны, западная академическая элита, которая принимает активное участие в построении внешнеполитических стратегий, стремится подчеркнуть открытость европейской мысли новым веяниям и говорит о необходимости отбросить евроцентризм политической мысли. Для решения этой проблемы был разработан постколониальный подход, позволяющий по новому оценить как существующие структуры мировой политики, так и взаимоотношения субъектов в рамках этих структур. Особое внимание здесь уделяется возможности переосмыслить историческое наследие и разобраться в инструментарии колониальных практик, которые, хотя и уже в ином виде, сохранились до нашего времени. С другой стороны, официальные политические элиты стремятся стать более прагматичными, нежели позволяла «нормативная сила Европы».

Сохранение статуса лидера оказалось для Европейского Союза более значимым, нежели дальнейшие действия по включению новых субъектов в дискуссию о нормах современного общества. Причём инструментарий, для его сохранения, был позаимствован из старого арсенала. Продолжая свои традиции нормотворчества, берущие истоки ещё в системе колониального доминирования, ЕС наделил нормативным содержанием в целом нейтральное понятие стрессоустойчивости, на основе которого стремится выстроить свою внешнюю политику. Каким образом это будет осуществлено на практике, пока непонятно. Включение стрессоустойчивости в дискурс в качестве инструмента политики явно возвращает нас к идеям колониального взаимодействия, где метрополия брала на себя обязательства по отношению к своим колониям. Это позволяет нам говорить о постколониальном взгляде ЕС на соседей ЕС, в т.ч. восточных.

Однако в отношении России эта схема усложняется, так как её действия стали обозначаться не иначе как вызов всей системе. Восприятие России одновременно как соперника в постсоветском пространстве и как объекта нормотворчества приводит к парадоксальному результату. Евросоюз оказался не готов отказаться от нормативного лидерства ради более открытой дискуссии о системе мировой политики и включения в неё новых субъектов. Политика России в отношении Украины с 2014 г. стала серьёзным вызовом системе международных отношений, где гегемония Запада (в т.ч. ЕС) пока не ставится под вопрос. Идея стрессоустойчивости ЕС скорее усложняет задачи поддержания региональной безопасности и стабильности, обозначая Россию как угрозу. Неясно и, что ожидает ЕС от России в будущем, причем речь идёт не о конкретных действиях в отношении Крыма и не о Минских соглашениях, а о российской позиции в системе отношений ЕС – Россия и в целом в мире.

Стрессоустойчивость отношений России и ЕС состоит в их неизбежности как соседей, и понимание этого способствовало долгим годам сотрудничества. Однако события на Украине с 2014 г. перечеркнули их, и сегодня стоит вопрос о новой точке отсчёта наших отношений. Именно поэтому для нас важно понимать не только, как российское и европейское общества воспринимают друг друга, но и как это восприятие влияет на структуру наших отношений.

Список литературы

- Павлова Е., Романова Т. (2017) Нормативная сила: теория и современная практика России и ЕС // *Полис*. №1. С. 162–176.
- Потемкина О., Кавешников Н. (2007) Россия и Европейский Союз: “холодное лето” 2007 года // *Современная Европа*, № 3, июль-сентябрь 2007, стр. 24–39.
- Романова Т. (2017) Категория “стрессоустойчивость” в Европейском Союзе // *Современная Европа*. № 4. С. 17–28.

References

- Anghie, A. (2006), “Decolonizing the Concept of “Good Governance””, in Gruffydd Jones, B. (ed.), *Decolonizing International Relations*, Rowman and Littlefield, Lanham, MD, pp. 109–30.
- Böröcz, J. and Kovács, M. (eds) (2001), *Empire's New Clothes: Unveiling EU Enlargement Holly Cottage*: Central Europe Review.
- Bracke, S. (2016), “Is the Subaltern Resilient? Notes on Agency and Neoliberal Subjects”, *Cultural Studies*, vol.30, no.5, pp. 839–55.
- Browning, C. S. (2003), “The Region-Building Approach Revisited: The Continued Othering of Russia in Discourses of Region-Building in the European North”, *Geopolitics*, vol.8, no.1, pp. 45–71.
- Chandler D. 2014. *Resilience: the Governance of Complexity*. Abingdon and New York: Routledge.
- Chakrabarty, D. (2000), *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*, Princeton University Press. XIII, Princeton, Oxford. UK.
- Holling, C. S. (1973), “Resilience and Stability of Ecological Systems”, *Annual Review of Ecology and Systematics*, vol.4, no.1, pp. 1–23.
- Horký-Hlucháň O. and Kratochvíl, P. (2014), ““Nothing Is Imposed in This Policy!” The Construction and Constriction of the European Neighbourhood”, *Alternatives: Global, Local, Political*, vol.39, no.4, pp. 252–270.
- European Union. (2016), Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy. Brussels, June.
- Fisher, O.N and Nicolaidis K. (2013), “The Decentring Agenda: Europe as a post-colonial power”, *Co-operation and Conflict*, vol. 48. no.2, pp. 283–303.
- Juncos, A.E. (2017), “Resilience as the new EU foreign policy paradigm: a pragmatist turn?”, *European Security*, vol.26, no.1, pp. 1–18.
- Keene, E. (2002), *Beyond the Anarchical Society: Grotius, Colonialism and Order in World Politics*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Kuus, M. (2004), “Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe”, *Progress in Human Geography*, vol.28, Issue 4, pp. 472–489.
- Manners, I. (2002), “Normative Power Europe: A Contradiction in Terms?”, *Journal of Common Market Studies*, vol.40, no.2, pp. 235–58.
- Mathieu, X. (2018), “The dynamics of ‘civilised’ sovereignty: Colonial frontiers and performative discourses of civilisation and savagery”, *International relations*, <https://doi.org/10.1177/0047117818782612>
- Matveeva, A. (2018), “Russia's Power Projection after the Ukraine Crisis”, *Europe-Asia Studies*, DOI: 10.1080/09668136.2018.1479735
- Mogherini, F. (2016), “Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council”, Bruxelles, 14 March, ID: 160314_02, available at: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/5490/remarks-by-high-representativevice-president-federica-mogherini-at-the-press-conference-following-the-foreign-affairs-council_en (accessed 12 August 2018).

- Neumann, I.B. (2017), *Russia and the Idea of Europe: a Study in identity and International Relations*, Routledge, London and New York.
- Nitoiu, C. (2018), "The European Union's 'Ideal Self' in the Post-Soviet Space", *Europe-Asia Studies*, DOI: 10.1080/09668136.2018.1465529
- Pavlova E., Romanova T. (2017) Normativnaya sila: teoriya i sovremennaya praktika Rossii i ES // *Polis*. №1. С. 162–176.
- Petrov, K. (2013), "Russia in the European Home? Convergence, Cosmopolitanism and Cosmism in Late Soviet Europeanisation", *Europe-Asia Studies*, vol.65, no.2, pp. 321–346.
- Potemkina O., Kaveshnikov N. (2007) Rossiya i Evropejskij soyuz: "holodnoe leto" 2007 goda // *Sovremennaya Evropa*, № 3, iyul'-sentyabr' 2007, str. 24–39.
- Prozorov, S. (2009), "In and Out of Europe: Identity Politics in Russian-European Relations", in Berg E. and Ehin, P (eds.) *Identity and Foreign Policy. Baltic-Russian Relations and European Integration*. Ashgate, UK, pp. 133–160.
- Romanova, T. & Pavlova, E. (2014), "What Modernisation? The Case of Russian Partnerships for Modernisation with the European Union and Its Member States", *Journal of Contemporary European Studies*, vol.22, no.4, pp. 499–517.
- Romanova T. (2017) Kategoriya "stressoustojchivost'" v Evropejskom soyuze // *Sovremennaya Evropa*. vol.76, №4. S. 17–28.
- Said, E. W. (1995), *Orientalism*, Penguin Books, London, UK.
- Sakwa, R. (2011), "Russia and Europe: Whose Society?", *European Integration*, vol.33, no.2, pp. 197–214.
- Samokhvalov, V. (2018), "What Kind of 'Other'? Identity and Russian-European Security Interaction in Eurasia", *Europe-Asia Studies*, DOI: 10.1080/09668136.2018.1482259
- Schmidt, J. (2015), "Intuitively neoliberal? Towards a critical understanding of resilience governance", *European journal of international relations*, vol.21, no.2, pp. 402–426.
- Sidaway, J.D. (2000), "Postcolonial geographies: an exploratory essay", *Progress in Human Geography*, vol.24, no.4, pp. 591–612.
- Teschke, B. (2003), *The Myth of 1648: Class, Geopolitics and the Making of Modern International Relations*, Verso, London.
- The EU Global Strategy: Implications for Russia / Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; Egmont – The Royal Institute for International Relations. Ed. by Olga Potemkina. – M., 2017. – 90 P.
- Tocci, N. (2016), "The making of the EU Global Strategy," *Contemporary Security Policy*, vol.37, no.3, pp. 461–472.

EU-Russian Relations Against the Backdrop of Postcolonial Approach

Authors: Pavlova E., Candidate of Political Science, associate professor, Saint Petersburg State University, Senior Researcher, University of Tartu (Estonia). **Address:** 1/3 (entr. 8), Smolnogo St., S.-Petersburg, Russia, 193060. **E-mail:** e.pavlova@spbu.ru

Romanova T., Candidate of Political Science, associate professor, Saint Petersburg State University. **Address:** 1/3 (entr. 8), Smolnogo St., S.-Petersburg, Russia, 193060. **E-mail:** t.romanova@spbu.ru, romanova@mail.sir.edu

Abstract. The aim of the article is to clarify some tendencies of how EU's external policy is formed. Using the postcolonial approach, the authors illuminate the influence of history on the system of international relations, in particular on the normative influence today. Using the 2016 EU's Global Strategy as an example, the authors demonstrate the specificity of the EU's policy that is aimed at the maintenance of its normative leadership in wider Europe. Brussels allocates a particular attention to the role of Russia in this agenda, which allows speaking about Russia as of an independent actor, and at the same time demonstrates that the perception of Russia as a recipient of international norms (and not as an agent of these norms) is still firmly established in the EU's approach.

Key words: EU, resilience, post-colonial approach, security, Russia.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope620188292>